

УДК 821.161.1

Н. П. Жилина

**ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ ГЕНЕРАЛА БАРКЛАЯ ДЕ ТОЛЛИ
В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»**

68

Проанализированы принципы создания образа одного из великих русских полководцев, сыгравших, по признанию историков, важнейшую роль в победе русской армии в Отечественной войне 1812 г. Обоснован вывод, что тенденциозность изображения генерала в романе связана не только с воспроизведением отношения, которое доминировало в то время, но и с философией истории Л. Н. Толстого, согласно которой ход событий обусловлен сопряжением двух волей: высшей и человеческой.

The article analyses various means of creating the image of Barclay de Tolly, a great Russian commander who played, according to historians, a decisive role in defeating Napoleon in the Patriotic War of 1812. The author concludes that his portraying in the novel was very powerful not only due to the re-creation of the dominating attitude towards the general of that time but also to Tolstoy's philosophy of history. According to Tolstoy, the course of events is caused by the interaction of two wills – divine and human.

Ключевые слова: Лев Толстой, «Война и мир», Барклай де Толли, философия истории, Отечественная война 1812 г.

Keywords: Leo Tolstoy, War and Peace, Barclay de Tolly, philosophy of history, Patriotic war of 1812.

Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» претерпел, как известно, серьезные изменения на пути от замысла к воплощению. Будучи задуманным как повествование о судьбе декабриста, он в определенный момент изменился в хронологическом плане, включив исторический период, связанный с Наполеоновскими войнами, а центральным историческим событием в сюжете стала Отечественная война 1812 г.

На протяжении всех показанных в романе многолетних событий генерал М. Б. Барклай де Толли — одно из главных лиц на театре военных действий — предстает перед читателем лишь в трех небольших эпизодах: в самом начале Отечественной войны; в день приезда в армию Кутузова, сменившего его на посту главнокомандующего; и на военном совете в Филях после Бородинского сражения. В каждом случае изображение предельно лаконично, авторский взгляд не задерживается на генерале, отмечая только самое главное (так, во втором эпизоде автор ограничивается коротким замечанием: «Барклай ехал почти рядом» с Кутузовым [5, т. 6, с. 191]).

Повествование в романе организовано так, что все происходящее часто изображается с использованием приема «точки зрения» [6], то есть через сознание какого-либо персонажа, — так происходит и в первом эпизоде с участием генерала: когда прибывший в действующую армию князь Андрей пришел доложить о себе, командующий «сухо и холодно принял Болконского и сказал своим немецким выговором, что он доложит о нем государю для определения ему назначения, а покамест просит его состоять при его штабе» [5, т. 6, с. 47]. Эту первую встречу читателя с генералом Барклаем де Толли сопровождает авторский комментарий, в котором дается анализ общего положения дел. Из него понятно, что военный министр в действительности лишен настоящей власти: во-первых, из-за участия в сцене не только великого князя Константина, но и самого государя, во-вторых, из-за постоянных интриг против него со стороны других военачальников. Этими причинами объясняется дурное настроение, в котором он в это время пребывает.

Дрисский лагерь, в котором находились в тот период все основные силы русской армии, также описывается глазами Болконского, который, подчиняясь потребности своего аналитического ума, производит классификацию, группируя персонажей по главному признаку — их отношению к военным действиям. При этом выделяется несколько основных групп. К первой партии относились и Пфуль, «главный составитель плана кампании» [5, т. 6, с. 48], и его последователи, «теоретики войны, верящие в то, что есть наука войны и что в этой науке есть свои неизменные законы», которые «требовали отступления в глубь страны. <...> К этой партии принадлежали немецкие принцы, Вольцоген, Винцингероде и другие, преимущественно немцы» [5, т. 6, с. 50]. Необходимо отметить, что Барклай не включен в эту группу, так как его приверженцы составляют свою, особую «партию»: они считают, что необходимо отдать ему всю полноту власти и доверить полное руководство армией.

Вторая партия была противоположная первой. Как и всегда бывает, при одной крайности были представители другой крайности. Люди этой партии были те, которые еще с Вильны требовали наступления в Польшу и свободы от всяких вперед составленных планов. Кроме того, что представители этой партии были представители смелых действий, они вместе с тем и были представителями национальности, вследствие чего становились еще одностороннее в споре. Эти были русские: Багратион, начинавший возвышаться Ермолов и другие. В это время была распространена известная шутка Ермолова, будто бы просившего государя об одной милости — производства его в немцы. Люди этой партии говорили, вспоминая Суворова, что надо не думать, не накалывать иголками карту, а драться, бить неприятеля, не впускать его в Россию и не давать унывать войску [5, т. 6, с. 50].

Отдельное направление возглавлял великий князь Константин, наследник цесаревич, хорошо помнивший позор Аустерлица. Люди этой партии «боялись Наполеона, видели в нем силу, в себе слабость и прямо высказывали это. Они говорили: "Ничего, кроме горя, срама и гибели, из всего этого не выйдет! Вот мы оставили Вильну, оставили

Витебск, оставим и Дриссу. Одно, что нам остается умного сделать, это заключить мир, и как можно скорее, пока не выгнали нас из Петербурга!"» [5, т. 6, с. 51].

Но

самая большая группа людей, которая по своему огромному количеству относилась к другим, как 99 к 1-му, состояла из людей, не желавших ни мира, ни войны, ни наступательных движений, ни оборонительного лагеря ни при Дриссе, ни где бы то ни было, ни Барклая, ни государя, ни Пфуля, ни Бенигсена, но желающих только одного, и самого существенного: наибольших для себя выгод и удовольствий. Все люди этой партии ловили рубли, кресты, чины и в этом ловлении следили только за направлением флюгера царской милости, и только что замечали, что флюгер обратился в одну сторону, как все это трутневое население армии начинало дуть в ту же сторону, так что государю тем труднее было повернуть его в другую [5, т. 6, с. 52–53].

Очень скоро Болконский становится свидетелем того, как государь со свитой, подчинившись настоящим советам придворных, отбывает в столицу, поручив руководство всеми русскими силами Барклаю де Толли как военному министру. Во всех последующих событиях прослеживается главный мотив, связанный с продолжающимся отступлением русских войск. Теперь это ставится в вину Барклаю, которого в высших кругах общества готовы даже обвинить в измене.

«Немецкий» выговор Барклая, на котором и в дальнейшем не акцентируется внимание, не свидетельствует, как должен бы, об этнической принадлежности генерала. Здесь возникает заявляющий о себе в речах действующих лиц мотив разделения всех военачальников на «немцев» и «русских», причем в первую группу теперь попадает и Барклай, шотландец по происхождению, но с рождения российский подданный, а во вторую — грузин Багратион. Понятно, что разделение происходит не по национальному признаку, а по отношению к происходящим событиям. В действительности же здесь воспроизводится известная с древности оппозиция *свой / чужой*, особенно ярко проявляющаяся себя в письме командующего 2-й армией князя Багратиона Аракчееву. Рассчитывая на то, что послание станет известно самому Александру I, он пишет: «Воля государя моего, я никак вместе с *министром* (Барклаем) не могу. Ради бога, пошлите меня куда-нибудь хотя полком командовать, а здесь быть не могу; и вся главная квартира немцами наполнена, так что русскому жить невозможно, и толку никакого нет. Я думал, истинно служу государю и отечеству, а на поверку выходит, что я служу Барклаю. Признаюсь, не хочу» [5, т. 6, с. 119].

Оскорбленный назначением Барклая на пост главнокомандующего, Багратион, имеющий более высокий чин, «командуя 2-й армией, старается как можно дольше не присоединяться к Барклаю, чтобы не стать под его команду» [5, т. 6, с. 117] — так отступление продолжается до Смоленска. После оставления Смоленска отношение к военному мини-

стру, как показывает Толстой, ухудшилось во всех слоях общества. Перед Бородинским сражением Пьер Безухов, попавший в расположение полка Болконского, выслушивает рассказ капитана Тимохина, сравнивающего Кутузова с Барклаем:

Свет увидали, ваше сиятельство, как светлейший поступил, — робко... сказал Тимохин. — Отчего же так? — спросил Пьер. — Да вот хоть бы насчет дров или кормов, доложу вам. Ведь мы от Свенцян отступали, не смей хворостины тронуть, или сенца там, или что. Ведь мы уходим, ему достается, не так ли, ваше сиятельство? — обратился он к своему князю, — а ты не смей. В нашем полку под суд двух офицеров отдали за этикие дела. Ну, как светлейший поступил, так насчет этого просто стало. Свет увидали... — Так отчего же он запрещал?

71

На этот вопрос Безухову отвечает Болконский: «А чтобы не разорять край, который мы оставляли неприятелю, — злобно-насмешливо сказал князь Андрей. — Это очень основательно: нельзя позволять грабить край и приучаться войскам к мародерству» [5, т. 6, с. 234–235]. И далее Болконский, не стесняясь быть откровенным со старым другом, высказывает горькие мысли и переполняющие его чувства по отношению к бывшему главнокомандующему:

...в Смоленске он тоже правильно рассудил, что французы могут обойти нас и что у них больше сил. Но он не мог понять того, — вдруг как бы вырвавшимся тонким голосом закричал князь Андрей, — но он не мог понять, что мы в первый раз дрались там за русскую землю, что в войсках был такой дух, какого никогда я не видал, что мы два дня сряду отбивали французов и что этот успех удесятил наши силы. Он велел отступать, и все усилия и потери пропали даром. Он не думал об измене, он старался все сделать как можно лучше, он все обдумал, но от этого-то он и не годится. Он не годится теперь именно потому, что он все обдумывает очень основательно и аккуратно, как и следует всякому немцу [5, т. 6, с. 235].

Военные аналитики давно пришли к выводу, что в ходе Смоленской операции русской армии «удалось избежать навязываемого Наполеоном I генерального сражения в невыгодных условиях» [1, с. 644], а Барклай де Толли, отведя войска из горевшего города, уклонился от большой битвы без шансов на победу и тем самым смог сохранить силы для дальнейшей обороны. Но князь Андрей, неспособный в эту минуту трезво мыслить, переполненный эмоциями, представляющий эту ситуацию только в одном свете, приводит весьма выразительное сравнение:

Как бы тебе сказать... Ну, у отца твоего немец-лакей, и он прекрасный лакей и удовлетворит всем его нуждам лучше тебя, и пускай он служит; но ежели отец при смерти болен, ты прогонишь лакея и своими непривычными, неловкими руками станешь ходить за отцом и лучше успокоишь его, чем искусный, но чужой человек. Так и сделали с Барклаем. Пока Россия была здорова, ей мог служить чужой, и был прекрасный министр, но как только она в опасности, нужен свой, родной человек. А у вас в клубе выду-

мали, что он изменник! Тем, что его оклеветали изменником, сделают только то, что потом, устыдившись своего ложного нареkania, из изменников сделают вдруг героем или гением, что еще будет несправедливее. Он честный и очень аккуратный немец... [5, т. 6, с. 235].

Кроме этого монолога, в авторской речи и в репликах отдельных персонажей появляются характеристики Барклая, выделяющие такие его черты, как благоразумие, исполнительность, аккуратность, рассудительность, излишняя осторожность и т. п. Важнейшей деталью в этом плане является донесение генерала, отправленное с флигель-адъютантом Кутузову во время Бородинского боя о том, что сражение проиграно, и гневный ответ главнокомандующего: «Ежели вы плохо видели, милостивый государь, то не позволяйте себе говорить того, чего вы не знаете. <...> Неприятель побежден, и завтра погоним его из священной земли русской» [5, т. 6, с. 282].

Сложившееся в результате этих сцен читательское впечатление не может кардинально изменить изображение генерала, принявшего сторону Кутузова на военном совете в Филях, где решалась судьба Москвы: «Под самыми образами, на первом месте, сидел с Георгием на шее, с бледным болезненным лицом и с своим высоким лбом, сливающимся с голой головой, Барклай де Толли. Второй уже день он мучился лихорадкой, и в это самое время его знобило и ломало» [5, т. 6, с. 311]. Авторское замечание об «обиженном, удалившемся» [5, т. 7, с. 84] после Бородинского сражения Барклае (без упоминания о болезни как истинной причине его отъезда в тыл) становится последним штрихом в весьма тенденциозном психологическом портрете генерала.

Одним из важнейших художественных открытий Толстого является, как известно, способ изображения внутреннего мира человека, который был в свое время назван Н. Г. Чернышевским «диалектикой души» [7, с. 32]. Однако не все персонажи изображаются с помощью этих приемов, есть и такие, которых читатель видит лишь извне, не проникая в их внутренний мир. Именно к ним и принадлежит генерал Барклай де Толли, представленный прежде всего через характеристики, которые ему дают другие герои. Субъективность этих оценок очевидна, однако они не подвергаются какой-либо авторской корректировке и в таком виде остаются в читательском сознании. При этом сам персонаж, так сказать, лишен слова: ему не предоставляется ни одной возможности высказаться, оспорить какую-либо оценку и защитить свою линию поведения. Таким образом, у читателя, казалось бы, неминуемо должно сложиться определенное — не очень благоприятное — мнение о генерале Барклае. Однако кроме характеристик, которые дают действующие лица, в романе представлена и открыто выражена авторская позиция по отношению к событиям и героям.

Работая над произведением, в котором огромное место занимают военные действия, анализируя все, что происходило в Европе и в России в начале XIX в. и привело к 1812 г., Толстой не только осмысляет войну как философскую проблему, но и разрабатывает собственную

концепцию исторического хода событий. Толстовская философия истории основывается на нескольких главных постулатах: прежде всего, ход истории, по мнению писателя, зависит не только от отдельных великих людей, но и от поступков каждого, самого маленького и незаметного человека, так как только сопряжение всех волей приводит к движению в определенном направлении. Кроме этого, существует безусловно некая *высшая* воля, которая в «Войне и мире» именуется Провидением и которая незаметно для людей воздействует на все происходящее. Таким образом, ход человеческой истории, по Толстому, обусловлен законом *синергии*: сопряжением воли высшей и воли человеческой или, в богословской формулировке, соединением «нетварной энергии Божией и энергии твари» [4]. Идея фатализма, настойчиво повторяющаяся в тексте романа, также имеет в своей основе мысль о том, что ход истории не может зависеть от воли одного только человека, каким бы великим он ни был.

В сюжетной структуре романа большое место занимают авторские философские отступления, в которых идеи, занимавшие Толстого, высказаны не в виде прямой или косвенной речи персонажей, а открыто и прямо, от лица автора. В одном из таких «монологов» автор доказывает, что отступление русской армии от западных границ вызвано не конкретными действиями конкретных военачальников, а причинами высшего порядка: «Провидение заставляло всех этих людей, стремясь к достижению своих личных целей, содействовать исполнению одного огромного результата, о котором ни один человек (ни Наполеон, ни Александр, ни еще менее кто-либо из участников войны) не имел ни малейшего чаяния» [5, т. 6, с. 115].

Писатель совершенно уверен, что вплоть до Смоленска Барклай де Толли ищет возможности для сражения, но ему мешают объективные обстоятельства. Главнокомандующий действует согласно обстановке, но этого не понимают его противники, обвиняющие его в применении неверной тактики и считающие главным виновником отступления. Они находят поддержку в разных кругах, поскольку в обществе, и особенно в армии, накопилась энергия враждебности и даже ненависти к французам, требующая выхода. Противники Барклая действуют, руководствуясь своими мотивами, но этим достигается необходимое — происходит назначение Кутузова, то есть военачальника, единственно пригодного для достижения высшей цели.

Говоря о Барклае как о «немце», князь Андрей добавляет, что он «честный немец» [5, т. 6, с. 235], имея в виду его прямооту и несклонность к интригам и противопоставляя таким персонажам романа, как, например, генерал Беннигсен. Однако, как считает Болконский (являющийся в немалой степени «проекцией личности» [2, с. 300] самого писателя), Барклай живет, подчиняясь *прежнему закону* [5, т. 6, с. 234] и считая необходимым соблюдать *прежний порядок*, не понимая, что изменилась вся жизнь и прежние законы уже не действуют — точно так же, как участник дуэли, поступавший «по всем правилам фехтовального искусства», в момент угрозы жизни «бросил свою шпагу и, взяв первую по-

павшуюся дубину, начал орудовать ею» [5, т. 7, с. 139]. Этот ставший уже хрестоматийным образ, примененный Толстым в другой ситуации, думается, вполне уместен и в этом случае.

Принадлежащая Болконскому оценка Барклая остается без какого-либо комментария, поскольку цель Толстого — не установление истины, а обоснование собственных идей. Показывая конфликт двух основных противоположных сил («русских» и «немцев») в армии, Толстой иллюстрирует важнейшее положение своей исторической концепции о том, что все события в конечном итоге происходят так, как должно, чтобы была достигнута *высшая* цель — разгром Наполеона и спасение России.

74

Смещение Барклая де Толли с поста командующего и назначение Кутузова происходит, несмотря на симпатию царя к Барклаю и нелюбовь к Кутузову, который стал главнокомандующим вопреки желанию Александра I, так как именно и только Кутузов, по мысли Толстого, принципиально отличается от всех остальных военачальников. Кутузов в романе противопоставляется офицерам, именуемым «немцами», поскольку их национальными чертами считаются стремление к рациональному устройству и к порядку, безусловное подчинение закону. Кутузов также противопоставляется «русским» (Багратиону, Ермолову и др.), поскольку обуреваемые страстями, они не способны почувствовать *высшую* волю. По Толстому, лишь Кутузов наделен необходимой интуицией для того, чтобы ощутить волю Провидения и действовать в соответствии с ней. В толстовском изображении фельдмаршал лишен черт идеального героя: ему не чужды человеческие слабости — он любит пость, обожает красивых женщин, не лишен тщеславия, но когда возникает необходимость, в силу вступает его *талант* интуиции, а это вещь иррациональная, она даруется свыше.

Показательно, что при вступлении в должность главнокомандующего Кутузов произносит обращенную к войску фразу «И с такими молодцами все отступать и отступать!» [5, т. 6, с. 192], а затем отступление армии продолжается до Бородина. После Бородинского боя он сначала отдает приказ о завтрашнем продолжении, но вскоре отменяет его, командует отход, а потом и вовсе оставление Москвы. Эта противоречивость вызвана его желанием и способностью *интуитивно* понять, какими действиями в точности выполнить свое предназначение.

Жизнь старого и больного Кутузова в этот период подчинена главной цели — освобождению России, поэтому когда цель достигнута, он уходит из жизни: «Представителю народной войны ничего не оставалось, кроме смерти. И он умер» [5, т. 7, с. 232]. Описание военных событий в романе на этом заканчивается, и читатель, хорошо осведомленный в исторических фактах, лишен возможности увидеть, как вступают в Париж *победители* под командованием героя Отечественной войны, полного кавалера ордена Святого Георгия, генерал-фельдмаршала Михаила Богдановича Барклая де Толли, добившегося огромных побед на поле боя и потерпевшего поражение в их признании не только у современников, но и у потомков.

Невозможно, однако, не вспомнить, что этот «пробел» был восполнен задолго до того, как роман Толстого появился на свет: «высокий лик» [3, т. 3, с. 332] не признанного по достоинству русского полководца воспел Александр Пушкин в стихотворении, которое так и называется — «Полководец» [3, т. 3, с. 330—332]. В «Объяснении» к нему он писал:

Один Кутузов мог предложить Бородинское сражение; один Кутузов мог отдать Москву неприятелю, один Кутузов мог оставаться в этом мудром деятельном бездействии, усыпляя Наполеона на пожарище Москвы и выжидая роковой минуты: ибо Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал! Неужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Баркляя-де-Толли, потому что Кутузов велик? <...> Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым: не только роптал народ ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником. Барклай, не внушающий доверенности войску, ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злоречием, но убежденный в самого себя, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом [3, т. 7, с. 484—485].

Список литературы

1. *Борцов А. Д.* Отечественная война 1812 // Большая российская энциклопедия. М., 2014. Т. 24. С. 644—645.
2. *Гинзбург Л. Я.* О психологической прозе. Л., 1977.
3. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : в 10 т. М., 1957. Т. 7.
4. *Синергия* // Православие : словарь-справочник. М., 2007. С. 790.
5. *Толстой Л. Н.* Собр. соч. : в 20 т. М., 1960—1965.
6. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы. М., 1970.
7. *Чернышевский Н. Г.* Детство и отрочество. Сочинение графа Л. Н. Толстого // Чернышевский Н. Г. Литературная критика : в 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 32—45.

Об авторе

Наталья Павловна Жилина — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: nzhilina@rambler.ru

The author

Dr Natalia P. Zhilina, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: nzhilina@rambler.ru